

ТЕАТР ВЛАСТИ: ПОЛИТИКА КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

УДК 94(4)

СКАНДАЛ ВОКРУГ КНЯЗЯ ЭЙЛЕНБУРГСКОГО¹, 1906–1909 ГОДЫ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИТИКА В КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

М. Кольрауш

Католический университет г. Лёвена, 69-В-3000, г. Лёвен (Бельгия), Vesaliusstraat, 13
martin.kohlrausch@arts.kuleuven.be

Анализируются быстрое развитие и рост политического влияния средств массовой информации в Германии на рубеже веков. На примере скандала вокруг князя Эйленбургского показано, как монархия, ее политическая и социальная роль испытали сильное воздействие медийной сферы. С одной стороны, монарх оказался центральным персонажем средств массовой информации, с другой – журналисты воспринимали газеты, журналы, фотографию и документальный фильм как инструменты демократической трансформации общества, «мостики» между кайзером и людьми.

Ключевые слова: средства массовой информации, политика, монархия, публичная сфера, скандал, авторитарная политическая система, германская империя.

Такой постановкой вопроса юрист Эрих Селло, который, будучи адвокатом коменданта города Берлина Куно Мольтке, играл решающую роль в так называемом скандале князя Эйленбургского, в 1910 г. резюмировал интенсивный опыт, полученный им в ходе участия в этих событиях, в громком скандале, или, если сформулировать это с помощью современных терминов, в медийном скандале, длившемся три года. Наука «ответила» на призыв Селло лишь спустя длительное время. Либо скандалы считались незначительным явлением, относящимся исключительно к миру средств массовой информации, либо, следуя тезису Юргена Хабермаса об упадке общественной жизни в XIX в., рассматривались как признаки тривиализации политики в медийном пространстве, которая препятствовала рациональной политической дискуссии или, по меньшей мере, осложняла ее [Habermas, 1995]. Более пристальный взгляд на взаимосвязь политики и средств массовой информации обнаруживает следующее: во-первых, нормативная оценка скандалов и их демократического потенциала ни в коем случае не является однозначной и должна быть дифференцированной. Во-вторых, скандалы могут интерпретироваться как естественные политические события, чей потенциал влияния чрезвычайно высок [Kohlrausch, 2005].

В своей работе «Political Scandal. Power and Visibility in the Media Age» Джон Томпсон описал «медийный» скандал в его историческом измерении. Он исследовал скандал как медийное событие, которое появилось лишь на рубеже XVIII и XIX в. Согласно Томпсону, понятие скандала связано с действиями или событиями, которые нарушают правила, становятся известны другим и имеют достаточный общественный вес, чтобы вызвать публичную реакцию [Thompson, 2000, S. 13 f].

Важным для обсуждаемого здесь вопроса является тезис Томпсона о том, что скандалы могут возникнуть только в либеральных, парламентских демократиях. Решающее значение для этого, согласно исследователю, имеют наличие конкурирующих сил, репутация политика для его легитимации, относительная автономность прессы и, наконец, наличие правового государства, т.е. низких персональных рисков при критике власти предрержащих [Thompson, 2000, S. 92–95]. Все эти предпосылки существовали по меньшей мере частично в германской кайзеровской империи. И действительно, в ней было бесчисленное количество больших и маленьких медийных скандалов, предметом которых нередко были политические темы [Bösch, 2009].

Эта статья посвящена скандалу вокруг друга Вильгельма II князя Филиппа Эйленбургского – возможно, самому драматичному и поучительному скандалу германской кайзеровской империи. Речь пойдет, в частности, о взаимодействии средств массовой информации, юстиции и политики.

Сначала будет рассмотрен вопрос о важнейших тенденциях развития средств массовой информации в кайзеровской Германии и последствиях этого развития для трансформации монархии. Затем сам скандал вокруг князя Эйленбургского будет рассмотрен как пример политических рисков, которые представляют собой средства массовой информации для монархии. И в итоге будут сделаны некоторые общие выводы о взаимоотношениях политики и средств массовой информации в кайзеровской Германии.

Медийная революция в конце XIX века

На основании ускоренного накопления количественных и качественных признаков, характеризующих средства массовой информации и их использование, можно с полным основанием говорить о медийной революции в германской кайзеровской империи в последние два десятилетия XIX в. В особенности стоит подчеркнуть четыре следующие тенденции [Schulz, 2000, S. 65–97; Schildt, 2001, S. 177–206]:

1) XIX век ознаменовался быстрым прогрессом технологий печатного дела и существенным расширением круга читателей благодаря достижению почти полной грамотности населения. Количество наименований газет и их тиражи отражают эти революционные изменения. В 1906 г. количество ежедневных газет в Германии – а эта цифра была максимальной за весь период существования империи – превысило 4 тысячи. Общий тираж всех ежедневных газет оценивается для этого года более чем в 25 миллионов и является самым высоким среди всех других европейских стран [Stöber, 2000, S. 209].

2) Эти фундаментальные изменения не могли не повлиять на содержание газет. Можно говорить о двух основных тенденциях: А) критические комментарии стали более острыми и стали встречаться чаще, спектр мнений стал более дифференцированным. В) партийная ориентация газет потеряла свое значение [Wehler, 1995, S. 1249]. Самосознание и самопонимание журналистов, а также рыночные механизмы принуждали газеты к тому, чтобы не отставать от других изданий [Requate, 1995]. Томпсон говорит о «циркулировании информации». Этот процесс имел три значительных следствия. Во-первых, была достигнута определенная степень гомогенности тем, которые удавалось быть затронутыми в прессе. Во-вторых, появился кумулятивный эффект, в результате которого важность предмета, вызвавшего скандал, возрастала благодаря его представленности и в других медиа. В-третьих, этот процесс приводил к росту самооценки средств массовой информации [Thompson, 2000, S. 84].

3) «Революция знаний и коммуникации» превратила либеральную элитарную общественность в «демократическую массовую общественность» [Hübinger, 2000, S. 30–44]. Предпосылкой этого была стремительная урбанизация, которая превратила чтение в повседневную практику и одно из «совместных переживаний» широких слоев населения [Fritzsche, 1996, S. 51–53; Asmuss, 1994, S. 33; Bösch, 2004, S. 319–336, Lindenberger, 1995, S. 364]. Такие новаторы прессы как бульварные газеты следовали этому тренду так же, как и новые иллюстрированные журналы [Stöber, 2000, S. 28].

4) Перед лицом описанных масштабных изменений в медийном ландшафте не удивительно, что современники эпохи чувствовали себя свидетелями революции. Этот тезис особенно справедлив применительно к взаимоотношениям монарха и средств массовой информации. Так, Герберт Бисмарк, сын рейхсканцлера, поспорил со своим отцом в оценке так называемой «любовной аферы», в которую оказался вовлечен молодой Вильгельм II: «Сегодня такие дела вызывают больше шума, чем раньше, так как пресса более широко распространена и намного более беспринципна, чем раньше, и так как немецкий кайзер больше envue³, чем любой другой человек или монарх» [Röhl, 2001, S. 235].

Адаптация монархии к требованиям медийного общества

И действительно, средства массовой информации радикально изменили монархию. *Время неограниченной публичности* могло, как очень точно уже в начале 1890-х гг. подметил Бернхард фон Бюлов, ставший позднее канцлером, как пойти на пользу монархии, так и в равной степени навредить ей [Röhl, 1995, S. 76–116]. Это особенно справедливо, если учесть динамику развития средств массовой информации, а также тот факт, что Вильгельм II – даже если он и не понимал этого развития – пошел навстречу этому процессу [Kohlrausch, 2005, S. 73–83; König, 2007, S. 17]. Взаимодействие монархии и средств массовой информации можно наблюдать, направив взгляд на визуальные средства в прессе, прежде всего на фильмы. Вильгельм II был, вероятно, не только пер-

вым политиком в мире, которого снимали на видеокамеру, но и наиболее часто снимавшимся политиком перед Первой мировой войной [Loiperdinger, 1997, S. 41–53; Pohl, 1991, S. 9–18]. Два характерных момента являются здесь наиболее важными: кайзер был чрезвычайно узнаваемым на кадрах хроники, а благодаря повторяемости церемониальных ритуалов камера легко предугадывала движения кайзера. Своеобразные, ни с чем не сравнимые внешние репрезентации и легко узнаваемый и постоянный образец публичных выходов образуют важную основу для вхождения монархии в эпоху средств массовой информации, но этого все же недостаточно. Можно выделить также три других «маркера», типичных для вильгельминистской монархии.

1) *Отличие и обособление*. Вильгельм II мог выстраивать свою власть на традиционной репутации монархии, а также на своих политических прерогативах и влиянии и на оригинальном явлении, которое подчеркивало традицию и власть как исконные, характерные черты монархии. Благодаря вильгельмовской смеси из гламура и маскарада возникла публичная репрезентация, какой торой не было ни у одного политика в Германии, – в эпоху, когда удерживать внимание публики было возможно лишь короткое время, это было решающим преимуществом [Windt..., 2005, S. 67–76]. И не случайно кофейный магнат и владелец рекламной империи Людвиг Розелиус назвал кайзера особенно успешным примером создания марки [Voigt, 1975, S. 231–260].

2) *Персонализация и «человеческий фактор»*. Предпосылкой была персонализация политики, которую со всей очевидностью усилили средства массовой информации. Эта персонализация нашла свое выражение не только в акцентуации монарха как политического актера, но и прежде всего в огромном интересе к личности и характеру монарха, в том, что можно назвать «конструированием королевской индивидуальности», и в нарастающем эмоциональном комментировании частных деталей жизни кайзера [Kohlrusch, 2002, S. 254–275].

3) *Новый модус политической коммуникации*. «Близость» монарха к средствам массовой информации и близость средств массовой информации к монарху выходили все же далеко за пределы простой «популярности». Талант Вильгельма II или скорее фатальная привычка вмешиваться в политические дискуссии с помощью крепких словечек удивительно хорошо совпадала с потребностью средств массовой информации в сведении текста к четким, коротким выражениям. То, что самые скандально известные речи кайзера были преимущественно риторическими провалами, не противоречит сказанному выше, так же, как и не всегда обоснованная, но постоянная и горячая критика речей. Так как в критических комментариях снова и снова ссылаются на идеализированную модель, в которой кайзер делал политические предложения, которые затем должны быть приняты, отвергнуты или модифицированы общественным мнением, чтобы в новой форме быть запущенным в политическую машину.

Возникшая в конечном итоге медийная монархия способствовала тому, что сформировалась политическая общественность из миллионов кайзеровских экспертов со знанием интимных подробностей и хорошим пониманием механизмов функционирования этой медийной монархии. Характерно, что внимательные наблюдатели, такие как писатели Томас Манн, Рудольф Борхардт или Отто Юлиус Бирбаум, в их более или менее очевидно закодированных «дискуссиях» с вильгельминистской монархией в этот период времени сознательно заменяли «народ» словом «публика» [Bierbaum, 1907, S. 590; Mann, 1909, S. 258; Borchardt, 1908, S. 240, 247].

Скандал вокруг князя Эйленбургского

Шансы, которые предлагало новое медийное общество политически влиятельной или по меньшей мере считавшейся влиятельной монархии, контрастировали с существенными рисками, которые можно проследить на примере выдающихся политических скандалов и которые было невозможно представить без участия монарха. Особенно показательным в этом отношении был скандал вокруг князя Эйленбургского – скандализация известного члена ближайшего окружения Вильгельма II журналистом Максимилианом Гарденом [Domeier, 2010; Winzen, 2010; Hull, 1982, p. 109ff; Röhl, 1976–1983; Hecht, 1997]. Скандал вокруг князя Эйленбургского разразился после того, как М. Гарден, который был самым влиятельным политическим журналистом кайзеровской империи, опубликовал осенью 1906 г. в своем журнале «*Die Zukunft*» откровенные намеки на гомосексуальность членов кайзеровской свиты. Под пристальным наблюдением Гардена оказался князь Филипп Эйленбург, долгое время бывший сподвижником и советником Вильгельма II, и в мае 1907 г. ситуация оказалось политически очень сложной. Эйленбурга, известного своими эстетическими пристрастиями, Гарден назвал ответственным за слишком «мягкую» внешнюю политику во время

марокканского кризиса 1905–1906 гг. Однако прежде всего Эйленбург был для Гардена архитектором придворной камарильи Вильгельма II, которая мешала коммуникации с монархом и усиливала его автократические пристрастия.

Сам скандал разгорелся, когда объекты нападок Гардена отреагировали на его публикации. Первым обелить свое имя с помощью закона после нападений Гардена попытался комендант города Берлина Куно фон Мольтке, затем это сделал и Эйленбург, а потом начался целый каскад процессов. Начиная с первого дня эти процессы сопровождались необычайным медийным эхо, которое выражалось в детализированных описаниях часто очень резких высказываний суда и в очень открытых и критических комментариях случившегося. Только газета «*Berliner Tageblatt*», которую никак нельзя отнести к бульварной прессе, посвятила теме по меньшей мере 150 статей. Сатирические журналы соревновались в карикатурных изображениях событий и выпускали различные специальные номера, которые были посвящены исключительно скандалу вокруг князя Эйленбургского [*Simplicissimus*, 1907].

После того как первый процесс против Гардена, который в частном порядке инициировал Мольтке, завершился зрелищным поражением последнего, государственный прокурор посчитал, что изначально отрицавший общественный интерес все же существует и добился на втором процессе обвинения Гардена. Гарден отреагировал на это тем, что искусственно инициировал процесс против себя самого в Мюнхене – при гораздо более благоприятных условиях, чем в Берлине, – и спровоцировал скандал [*Kohlrausch*, 2005, S. 195–201]. В Мюнхене Гарден смог разоблачить высказывания Эйленбурга, которые тот сделал раньше в непосредственной близости от места, где шла война, и тем самым повернул процесс окончательно в свою пользу. Одурачен был все же не только Эйленбург, но и военные, двор и прусский прокурор, т.е. господствующая политическая система как таковая.

В это время все новые и новые судебные процессы, которые заканчивались то победой Гардена, то победой его противников, гарантировали, что случай Эйленбурга вплоть до лета 1909 г. не сходил со страниц газет. Однако для этого были и другие причины. Одной из них была деликатная тема гомосексуальности – к тому же в связи с двором и военными – которая впервые стала доступна общественности в таком объеме и с такими подробностями, что имело своим следствием бесчисленные карикатуры, также и за границей [*Domeier*, 2010, S. 117–124]. Другой причиной, связанной с этой, был кайзер, который сделал фигуру Эйленбурга интересной и значимой и «гарантировал» политическое содержание скандала, а также его выход за допустимые пределы. Например, именно благодаря фигуре кайзера бульварные темы переключались в комментаторские колонки солидной прессы. В связке с высказыванием, предположительно принадлежавшим Мольтке, которое сыграло важную роль на суде, а именно о том, что Эйленбург и он «взяли кайзера в кольцо», разговоры о «камарилье» стали ключевым словом информационных сообщений о процессах [*Steakley*, 1992, S. 323–385]. Пятого июля 1907 г. газета «*Kölnische Volkszeitung*» опубликовала подробную статью с простым заголовком «Камарилья». На следующий день последовала еще одна статья под названием «Эта камарилья», а отчет от 7 июня уже был опубликован под заголовком «Все та же камарилья». Восьмого июня достаточно было пометки «Новости дня», чтобы читателям стало ясно, о чем идет речь. Спустя несколько дней появился заголовок «Непризнанная камарилья» (12 июня), затем «О камарилье» (15 июня) и, наконец, абстрактно «К вопросу о камарилье» (16 июня) [*Kölnische Volkszeitung*, 1907]. В образе камарильи обыгрывались не только элементы высокой культуры – аллюзии из Фридриха Шиллера переплетались с практиками общения, политика – со сплетнями, он был нацелен прямо на тему коммуникации или затрудненной коммуникации. На основе предположения, разделявшегося также леволиберальными комментаторами, что гомосексуалисты в особенности склонны к образованию группировок и плетению интриг, препятствовавших открытому общению с другими людьми, можно предположить, что гомосексуальная камарилья служила образом барьера в коммуникации, который не столько был источником ошибочных политических решений, сколько препятствовал общению монарха и народа. Таким образом камарилья стала постоянной политической темой. Гомосексуальность являлась прежде всего ярким понятием для описания политически нежелательного развития событий. Именно в непрозрачном для взглядов со стороны дворе, таков был аргумент, гомосексуалисты на почве своих женских качеств могли иметь особенно большое влияние. Только «мужской стиль поведения» являлся якобы гарантией «открытости намерений» и тем самым лучшей защитой против неприличного влияния монарха [*Deutsche Tages-*

zeitung, 1907; *Neumann*, 1908; *Kölnische Volkszeitung*, 1907].

Тема функционировала так хорошо и потому, что позволяла донести до читателя суть событий в ярких, органично встроенных в культуру образах – клика вокруг монарха, советники-интриганы, в глубине души хороший, нуждающийся в воспитании монарх. В борьбе против византизма, который был часто употреблявшимся термином и под которым подразумевалась иррациональная, сконцентрированная на дворе монархическая система, сам византизм постепенно превратился во второй влиятельный образ. Пресса приписывала себе решающую роль в создании этого образа. Путем преодоления византизма, ассоциировавшегося со старыми дворянскими силами, должна была создаваться возможность для прямого общения монарха и общественности [*Kohlrausch*, 2005, S. 176–185].

Разоблачения князя Эйленбургского носили характер репортажей, и это напоминает большие политические скандалы XX в. С французским «ожерельем королевы» – наиболее часто встречающимся указанием на похожее историческое событие – несмотря на поверхностные аналогии, скандал вокруг Эйленбурга не имеет ничего общего [*Maza*, 1993, p. 167–170]. В условиях сильно смягченных в 1907 г. и, кроме того, почти не применявшихся на практике законов об оскорблении его Величества процессы вокруг камарильи предлагали рамки и повод для длительных, понятийно последовательных, все более радикальных и сфокусированных дискуссий о монархе. Это имело также последствия для содержательной аргументации различных газет. При сохранении «естественных» различий, обусловленных политической позицией, можно наблюдать содержательную унификацию, в особенности в категориях аргументации.

В то время как статьи в прессе были изначальным поводом для процессов, процессы задавали ритм сообщений в средствах массовой информации. Даже фазы процесса, которые были неудачными для Гардена, давали ему возможность распространять информацию – к тому же он мог обратиться ее публицистически благодаря своему журналу. Гарден мастерски сумел политизировать процессы и стилизовать их от обсуждения конкретных правовых вопросов к дискуссии о политике кайзеровской империи. Вследствие постоянно возникавшего упрека в классовом характере юстиции – для чего во втором, неудачном для Гардена, процессе были очевидные признаки государственной власти становилось все труднее контролировать процессы. Процессы, конечно, не доказывают существования полностью независимой юстиции в кайзеровской империи, но они показывают, чего могут достичь во взаимодействии юстиция, не подчиненная напрямую авторитетам, и пресса, обладающая существенной свободой.

Для кайзера фатальным было то, что двор оказался не в состоянии эффективно координировать различных акторов государства – двор, рейхсканцелярию, государственного прокурора и вовлеченные в него элиты. Можно наблюдать процесс обучения, но он постоянно отставал от происходивших событий. Страдал от этого в конечном итоге прежде всего Вильгельм II. Либо кайзер действительно был вовлечен во все те события, которые открылись благодаря процессам, либо он был по меньшей мере безгранично наивен при выборе своего окружения. Если личность, публично полностью скомпрометированная, такая как Филипп Эйленбург, могла на протяжении двадцати лет оставаться ближайшим другом Вильгельма II, это неизбежно означало, что характер монарха, если не его сексуальная ориентация, оказался под вопросом. Идеальный образ Вильгельма II приходил в противоречие с образом, который возник в ходе процесса князя Эйленбургского, с образом монарха, который на протяжении более двадцати лет не отважился даже на молчаливое сомнение в характере своего окружения, в характере, который стал очевиден всей общественности после первых же дней процесса. Если Вильгельм II находился в тесном контакте с гомосексуалистом, разве не было очевидным, ну хотя бы возможным, что сам кайзер имел гомоэротические пристрастия? Необходимо указать на взрывную силу упрека в гомосексуальности. Этим можно объяснить скрытое, завуалированное намеками обсуждение темы, которое регулярно останавливалось незадолго до нарушения последних табу. В этом контексте неизбежно возникает вопрос: как кайзер мог подарить свою дружбу такому человеку как Эйленбург, как «он мог думать о нем с такой любовью и выделить ему в сердце такое выдающееся место» [*Scheidt*, 1908]. Конечно, самым деликатным делом для монарха было то, насколько быстро стало известно о существовании писем кайзера к Эйленбургу с предположительно проблематичным содержанием. Начались необузданные спекуляции по поводу их содержания [*Fränkischer Kurier*, 1908; *Simplicissimus*, 1908].

Комментаторов буржуазных газет занимали прежде всего две проблемы: «духовное опусто-

шение», причиной которого были действия Гардена, и впечатление, которое могли произвести разоблачения за границей [*Die Grenzboten*, 1908, S. 105–109]. Комментаторы единодушно характеризовали скандал вокруг князя Эйленбургского как выражение распада общественных нравов и культуры [*Hall*, 1977, p. 143]. Эрих Селло называл скандалы «симптомами всеобщей болезни нашего общественного тела, симптомом всеобщей неврастенической диспозиции нашего времени, которое охотится за все более новыми и громкими сенсациями, чтобы подстегнуть вялые нервы» [*Sello*, 1910, S. 43]. Особенно неприятным считалось то, что события затрагивали те верхи общества, которые – не в последнюю очередь с помощью персоны монарха – вели крестовый поход против «моральной» запущенности «низших слоев» [*Machtan*, 2006, S. 5–19]. Получивший широкую международную огласку скандал вокруг князя Эйленбургского ставил под вопрос тезис о «моральном» превосходстве Германии, в особенности в сравнении с республиканской Францией. «Гордость за нравственную высоту нашей общественной жизни, с которой мы уверенно и мужественно можем наблюдать за дегенерацией в руководящих кругах Франции и Англии, поколебалась», – сетовала «*Rheinisch-Westfälische Zeitung*», в то время как «*Kölnische Zeitung*» с триумфом сообщала после временного поражения Гардена, что даже за граница должна была признать, что империя не разбилась «о скалы гомосексуальности» [*Rheinisch-Westfälische Zeitung*, 1907; *Kölnische Zeitung*, 1907].

Скандал вокруг князя Эйленбургского сделал очевидным для современников событий то, что власть прессы – не абстрактный феномен. Во время пиков скандала, т.е. во время правовых споров вокруг Эйленбурга, развивалась сильно сжатая во времени, необычайно активная «дискуссия» монарха с событиями, напрямую связанными с медийной интервенцией: Эйленбург должен был покинуть двор, Вильгельм II должен был – прежде всего в ходе одновременно разворачивавшейся аферы вокруг «Дэйли Телеграф» – учитывать общественное мнение. Поэтому неудивительно, что в многочисленных новых интерпретациях монархии в 1908–1909 гг. она представляла адаптированную к потребностям медийной общественности. Идеальное состояние, к которому стремились и которое считали достижимым, – это domestикация непредсказуемой монархии с помощью средств массовой информации.

Политика и средства массовой информации в кайзеровской империи

Само собой разумеется, монархия была только одной из многих политических тем, которые были «подогреты» средствами массовой информации. Вильгельминистскую монархию также нельзя сводить только к образу «медийного кайзера». И все же взгляд на скандал вокруг князя Эйленбургского может высветить важнейшие характеристики развития средств массовой информации в кайзеровской империи. В завершение можно сделать следующие выводы:

1) В монархической системе кайзеровской империи были возможны совершенно «зрелые» медийные скандалы, а в определенном смысле они были даже типичным явлением. Именно потому, что в кайзеровской империи не происходили выборы наиболее значимых инстанций – монарха и рейхсканцлера, скандалы смогли приобрести именно такое значение. Скандалы служили суррогатом, заменявшим участие в политике, возможное через парламент только в ограниченных масштабах. Это справедливо в общем смысле, так как скандалы сообщали монарху содержание дискуссий в средствах массовой информации. Но это справедливо также и в специальном смысле, так как скандалы в монархии, и в особенности ключевые понятия, такие как византизм и камарилья, скандализировали монарха или информацию, исходившую от него. Это подтверждается бросающимся в глаза фактом, что важные для скандалов средства массовой информации руководствовались ни в коем случае не этосом «открытия скандала». Скандал вокруг князя Эйленбургского не был, так же как и другие большие скандалы, связанные с именем Вильгельма II, результатом журналистского расследования. Кроме того, очевидно, что политика стала частью жанра общения.

2) Скандал вокруг князя Эйленбургского показывает широко простиравшееся пространство свободы даже в дискуссии вокруг самых «чувствительных» политических тем, а также огромную динамику и рефлексивность. Обе тенденции способствовали сознательному нарушению табу. В скандале проявился к тому же широкий консенсус по вопросу о приоритете общественного мнения, которое готовило общество к различным политическим нюансам. Этот консенсус имел самое прямое политическое значение.

3) На скандал вокруг князя Эйленбургского можно распространить тезис Никласа Луманна: «Если скандал основан на разочаровании и это чувство становится его главной темой, он фиксирует также сохранение существовавших прежде ожиданий». Таким образом, скандал может рассмат-

риваться как «механизм реализации разочарования» [Laermann, 1984, S. 159–172; Neckel, 1986, S. 581–605]. Характер скандала, следовательно, говорит о том, что он был скорее заменой революции, клапаном, ослаблявшим социальное перенапряжение, чем действительно революционным актом. Современники могли интерпретировать скандал вокруг князя Эйленбургского двумя способами, которые необязательно являются взаимоисключающими: казалось, что скандал должен был доказать неспособность действующего монарха, однако одновременно скандал превращался в очевидно привлекательную модель прямого общения между монархом и общественностью и тем самым мог утвердиться в обществе как естественная современная коммуникативная модель. Поэтому скандал вокруг князя Эйленбургского обладал также общей стабилизирующей функцией, выполняя которую, он вселял надежду на улучшение политической ситуации. Вплоть до определенного момента скандал поддерживал веру в демократическую трансформацию монархии. Иллюзия того, что в процессе скандала возможно оптимальное информирование монарха и тем самым существенное улучшение политической ситуации, объединяла оба фактора – общую стабилизирующую функцию скандала и надежду на «демократизацию» монархии.

4) Выразительным проявлением этой тенденции были бесчисленные попытки новой интерпретации монархии после 1908 г. и нарастающая, носившая характер клятвенного обещания, бдительность общества в отношении Вильгельма II. Ошибки монарха тщательно регистрировались и включались в число будущих просчетов, для которых скандал вокруг князя Эйленбургского был готовой референцией. Базовым трендом, который отобразил скандал, на котором он был основан и который он одновременно усилил, была персонализация политических вопросов в характере и действиях Вильгельма II. Скандал вокруг князя Эйленбургского сфокусировался на личности Вильгельма II. Эта узкая дискуссия позволяла перевести взгляд прежде всего на персональные альтернативы образа вождя и удивительно редко – на институциональные реформы в виде решительного форсирования парламентаризма. В контексте глубокого недоверия и в условиях, когда факторами этого недоверия в отношении политического руководства были определенные характерные черты политического вождя, они оказались в центре внимания, и требования альтернативы, обладающей лучшими характеристиками, стали весьма громкими.

Без сомнения, наличие монарха, политически влиятельного или, вернее сказать, считавшегося политически влиятельным, было решающим для развития общественных дебатов в кайзеровской империи. Это прежде всего справедливо для персонализации политической дискуссии. И в ситуации «одновременности неодновременного» (Райнхард Козеллек), характерной для кайзеровской империи, в столкновении современных средств массовой информации с их демократическим потенциалом и монархии, которая, нужно признать, отчасти модернизировалась в своих формах репрезентации, но упрямо придерживалась соблюдения своих традиционных прерогатив, это можно четко проследить. Пожалуй, можно даже говорить о немецком «особом пути», когда кайзеровская империя реализовывала генеральные тенденции развития медийного пространства или даже выступала их инициатором, однако – в сравнении с западными странами – сталкивалась при этом с авторитарной политической структурой в лице сильной монархии. Для партиципаторских требований прессы этот факт имел самые прямые последствия. Подобно *self-fulfillingprophecy*⁴ пресса в скандалах вокруг монархии не только утверждала свою значимость, но и демонстрировало ее и подтверждала ее для самой себя. Это вызывало ответный эффект, при котором власть прессы постоянно возрастала. Пресса говорила о себе, как об определенной общественной силе и утверждала себя как эту общественную силу. В этом смысле воздействие монархии и прессы друг на друга не было равновеликим, однако для монархии это воздействие не прошло бесследно.

Примечания

¹ В литературе встречаются и другой вариант перевода фамилии князя – фон Ойленбург. В данной статье будет использоваться перевод, указанный в словаре Брокгауз и Эфрон.

² Скандалных дел.

³ Навиду.

⁴ Сбывающемуся пророчеству.

Библиографический список

Asmuss B. Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918 und 1923 (Beiträge zur Kommunikationsgeschichte, 3). Berlin; New York,

1994.

Bierbaum O. J. Prinz Kuckuck. Leben, Taten, Meinungen und Höllenfahrt eines Wollüstlings. München, 1907.

Borchardt R. Der Kaiser // Süddeutsche Monatshefte. 1908. № 5.

Bösch F. Öffentliche Geheimnisse. Skandale, Politik und Medien in Deutschland und Großbritannien 1880–1914. München, 2009.

Bösch F. Zeitungsgespräche im Alltagsgespräch. Mediennutzung, Medienwirkung und Kommunikation im Kaiserreich // Publizistik. 2004. № 49.

Deutsche Tageszeitung. 1907. 31. Oktober.

Die Grenzboten. 1908. № 67.

Domeier N. Der Eulenburg-Skandal. Eine politische Kulturgeschichte des Kaiserreichs. Frankfurt; Moscow, 2010.

Fränkischer Kurier. 1908. 16. Mai, Nr. 134.

Fritzsche P. Reading Berlin 1900. Cambridge Mass, 1996.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1995.

Hall A. Scandal, Sensation and Social Democracy. The SPD Press and Wilhelmine Germany 1890–1914. Cambridge, 1977.

Hecht K. Die Harden-Prozesse – Strafverfahren, Öffentlichkeit und Politik im Kaiserreich: Jur. Diss. München, 1997.

Hübinger G. Die politischen Rollen europäischer Intellektueller im 20. Jahrhundert // Kritik und Mandat.

Hull I. V. The Entourage of Kaiser Wilhelm II 1888–1918. Cambridge, 1982.

Intellektuelle in der deutschen Politik / Th. Hertfelder (Hg.). München, 2000.

Kohlrausch M. Der Monarch im Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. Berlin, 2005.

Kohlrausch M. Der unmännliche Kaiser. Wilhelm II. und die Zerbrechlichkeit des königlichen Individuums // Der Körper der Königin / R. Schulte (Hg.). Frankfurt a/M., 2002.

Kölnische Volkszeitung. 1907. № 483, 487, 489, 492, 506, 515, 517, 630, 1121.

König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

Laermann K. Die gräßliche Bescherung. Zur Anatomie des politischen Skandals // Kursbuch. 1984. № 77.

Lindenberger Th. Straßenpolitik. Zur Sozialgeschichte der öffentlichen Ordnung in Berlin 1900 bis 1914. Bonn, 1995.

Loiperdinger M. Kaiser Wilhelm II.: Der erste deutsche Filmstar // Idole des deutschen Films / Th. Koebner (Hg.). München, 1997.

Machtan L. «Wilhelm II. als oberster Sittenrichter: Das Privatleben der Fürsten und die Imagepolitik des letzten Kaisers» // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. № 54.

Mann Th. Königlicher Hoheit. Berlin, 1909.

Maza S. Private Lives and Public Affairs. Causes Célèbres of Prerevolutionary France. Berkeley u.a., 1993.

Neckel S. Das Stellhölzchen der Macht. Zur Soziologie des politischen Skandals // Leviathan. 1986. № 14.

Pohl K.-D. Der Kaiser im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit // Pohl K.-D. Der letzte Kaiser. Wilhelm II. im Exil / H. Wildrotter (Hg.). Gütersloh; München, 1991.

Requate J. Journalismus als Beruf. Entstehung und Entwicklung des Journalistenberufs im 19. Jahrhundert. Deutschland im internationalen Vergleich (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 109). Göttingen, 1995.

Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1907. 27. Oktober.

Röhl J. C.G. (Hg.). Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts 52), 3 Bde. Boppard a/Rh., 1976–1983.

Röhl J. C.G. Hof und Hofgesellschaft unter Kaiser Wilhelm II // Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995.

Röhl J. C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888–1900. München, 2001.

Scheidt K. «Kaiserbriefe an Eulenburg» // Die Zeit am Montag 1908. 18. Mai, Nr. 20.

Schildt A. «Das Jahrhundert der Massenmedien. Ansichten zu einer künftigen Geschichte der Öffentlichkeit» // Geschichte und Gesellschaft. 2001. № 27.

Schulz A. Der Aufstieg der «vierten Gewalt». Medien, Politik und Öffentlichkeit im Zeitalter der Massen-

- kommunikation» // Historische Zeitschrift. 2000. № 270.
- Sello E. Zur Psychologie der Cause célèbre. Ein Vortrag. Berlin, 1910.
- Simplicissimus. 1907. 30. September, 11. November, 2. Dezember, 17. Juni; 1908, 22. Juni.
- Steakley J. D. Iconography of a Scandal. Political Cartoons and the Eulenburg Affair // Dynes W. R. History of Homosexuality in Europe and America/ St. Donaldson (Hg.). New York; London, 1992.
- Stöber G. Pressepolitik als Notwendigkeit. Zum Verhältnis von Staat und Öffentlichkeit im wilhelminischen Deutschland 1890–1914 (Historische Mitteilungen, Beiheft 38). Stuttgart, 2000.
- Stöber R. Deutsche Pressegeschichte. Einführung, Systematik, Glossar (Uni-Papers, 8). Konstanz, 2000.
- Thompson J. B. Political Scandal. Power and Visibility in the Media Age. Cambridge, 2000.
- Voigt G. "Goebbels als Markentechniker" // Warenästhetik. Beiträge zur Diskussion, Weiterentwicklung und Vermittlung ihrer Kritik / F. Haug (Hg.). Frankfurt a/M., 1975.
- Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. III: Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849-1914. München, 1995.
- Windt F. / Luh J. Die Kaiser und die Macht der Medien/ C. Dilba (Hg.). Berlin, 2005.
- Winzen P. Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907–1909. Köln u.a., 2010.

Перевод О. Никоновой

Дата поступления рукописи в редакцию 08.06.2015

THE EULENBURG SCANDAL, 1906-1909: MEDIA AND POLITICS IN WILHELMINE GERMANY

M. Kohlrausch

Catholic University of Leuven, 69-B-3000, Vesaliusstraat, 13, Leuven, Belgium
martin.kohlrausch@arts.kuleuven.be

The article analyses the rise and political impact of mass media in Germany around 1900, focusing on the example of Kaiser Wilhelm II. In looking at the so-called Eulenburg scandal, the article highlights the political risks coming with that process. The last decennia of the 19th century saw the rise of modern mass media - high circulation newspapers, illustrated journals, photography and film – in Europe. In Germany, the development was particularly pronounced. During the reign of Emperor Wilhelm II (1888-1918), Germany developed a particularly modern and dynamic ensemble of mass media. While the constitutional structure hardly responded to modern challenges, the monarchy itself, its political and social role, were deeply affected by mass media. With his particular style of personalized government, Wilhelm II responded, often unconsciously, to the needs of mass media. The monarchy attained a central role for the media because no other political actor fitted its needs so well. Moreover, many journalists believed the media could establish a direct and thus democratic link between the Emperor and the people. While in terms of media presence and media attention the monarchy profited immensely from mass media, the new situation also entailed substantial dangers. The so-called Eulenburg scandal in 1906–1909 showed how the carefully crafted picture of the manly Emperor could be scandalized by the media. The article analyses the scandal and finally asks what such a scandal tells about the role of mass media and the public sphere in the authoritarian political system the German Empire was.

Key words: Mass media, Eulenburg scandal, political actor, monarchy, public sphere, authoritarian political system, German Empire.

References

- Asmuss B. Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918 und 1923 (Beiträge zur Kommunikationsgeschichte, 3). Berlin; New York, 1994.
- Bierbaum O. J. Prinz Kuckuck. Leben, Taten, Meinungen und Höllenfahrt eines Wollüstlings. München, 1907.
- Borchardt R. Der Kaiser. *Süddeutsche Monatshefte*. 1908. № 5.
- Bösch F. Öffentliche Geheimnisse. Skandale, Politik und Medien in Deutschland und Großbritannien 1880–1914. München, 2009.
- Bösch F. Zeitungsgespräche im Alltagsgespräch. Mediennutzung, Medienwirkung und Kommunikation im Kaiserreich. *Publizistik*. 2004. № 49.

- Deutsche Tageszeitung. 1907. 31. Oktober.
Die Grenzboten. 1908. № 67.
Domeier N. Der Eulenburg-Skandal. Eine politische Kulturgeschichte des Kaiserreichs. Frankfurt; Moscow, 2010.
Fränkischer Kurier. 1908. 16. Mai, Nr. 134.
Fritzsche P. Reading Berlin 1900. Cambridge Mass, 1996.
Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1995.
Hall A. Scandal, Sensation and Social Democracy. The SPD Press and Wilhelmine Germany 1890–1914. Cambridge, 1977.
Hecht K. Die Harden-Prozesse – Strafverfahren, Öffentlichkeit und Politik im Kaiserreich: Jur. Diss. München, 1997.
Hübinger G. Die politischen Rollen europäischer Intellektueller im 20. Jahrhundert. *Kritik und Mandat.*
Hull I. V. The Entourage of Kaiser Wilhelm II 1888–1918. Cambridge, 1982.
Intellektuelle in der deutschen Politik / Th. Hertfelder (Hg.). München, 2000.
Kohlrausch M. Der Monarch im Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. Berlin, 2005.
Kohlrausch M. Der unmännliche Kaiser. Wilhelm II. und die Zerbrechlichkeit des königlichen Individuums. *Der Körper der Königin* / R. Schulte (Hg.). Frankfurt a/M., 2002.
Kölnische Volkszeitung. 1907. № 483, 487, 489, 492, 506, 515, 517, 630, 1121.
König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
Laermann K. Die gräßliche Bescherung. Zur Anatomie des politischen Skandals. *Kursbuch.* 1984. № 77.
Lindenberger Th. Straßenpolitik. Zur Sozialgeschichte der öffentlichen Ordnung in Berlin 1900 bis 1914. Bonn, 1995.
Loiperdinger M. Kaiser Wilhelm II.: Der erste deutsche Filmstar. *Idole des deutschen Films* / Th. Koebner (Hg.). München, 1997.
Machtan L. «Wilhelm II. als oberster Sittenrichter: Das Privatleben der Fürsten und die Imagepolitik des letzten Kaisers». *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 2006. № 54.
Mann Th. Königlicher Hoheit. Berlin, 1909.
Maza S. Private Lives and Public Affairs. Causes Célèbres of Prerevolutionary France. Berkeley u.a., 1993.
Neckel S. Das Stellhölzchen der Macht. Zur Soziologie des politischen Skandals. *Leviathan.* 1986. № 14.
Pohl K.-D. Der Kaiser im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. *Pohl K.-D. Der letzte Kaiser. Wilhelm II. im Exil* / H. Wildrotter (Hg.). Gütersloh; München, 1991.
Requate J. Journalismus als Beruf. Entstehung und Entwicklung des Journalistenberufs im 19. Jahrhundert. Deutschland im internationalen Vergleich (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 109). Göttingen, 1995.
Rheinisch-Westfälische Zeitung. 1907. 27. Oktober.
Röhl J. C.G. (Hg.). Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts 52), 3 Bde. Boppard a/Rh., 1976–1983.
Röhl J. C.G. Hof und Hofgesellschaft unter Kaiser Wilhelm II. *Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik.* München, 1995.
Röhl J. C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888–1900. München, 2001.
Scheidt K. «Kaiserbriefe an Eulenburg». *Die Zeit am Montag.* 1908. 18. Mai, Nr. 20.
Schildt A. «Das Jahrhundert der Massenmedien. Ansichten zu einer künftigen Geschichte der Öffentlichkeit». *Geschichte und Gesellschaft.* 2001. № 27.
Schulz A. Der Aufstieg der «vierten Gewalt». Medien, Politik und Öffentlichkeit im Zeitalter der Massenkommunikation». *Historische Zeitschrift.* 2000. № 270.
Sello E. Zur Psychologie der Cause célèbre. Ein Vortrag. Berlin, 1910.
Simplicissimus. 1907. 30. September, 11. November, 2. Dezember, 17. Juni; 1908, 22. Juni.
Steakley J. D. Iconography of a Scandal. Political Cartoons and the Eulenburg Affair. *Dynes W. R. History of Homosexuality in Europe and America* / St. Donaldson (Hg.). New York; London, 1992.
Stöber G. Pressepolitik als Notwendigkeit. Zum Verhältnis von Staat und Öffentlichkeit im wilhelminischen Deutschland 1890–1914 (Historische Mitteilungen, Beiheft 38). Stuttgart, 2000.
Stöber R. Deutsche Pressegeschichte. Einführung, Systematik, Glossar (Uni-Papers, 8). Konstanz, 2000.

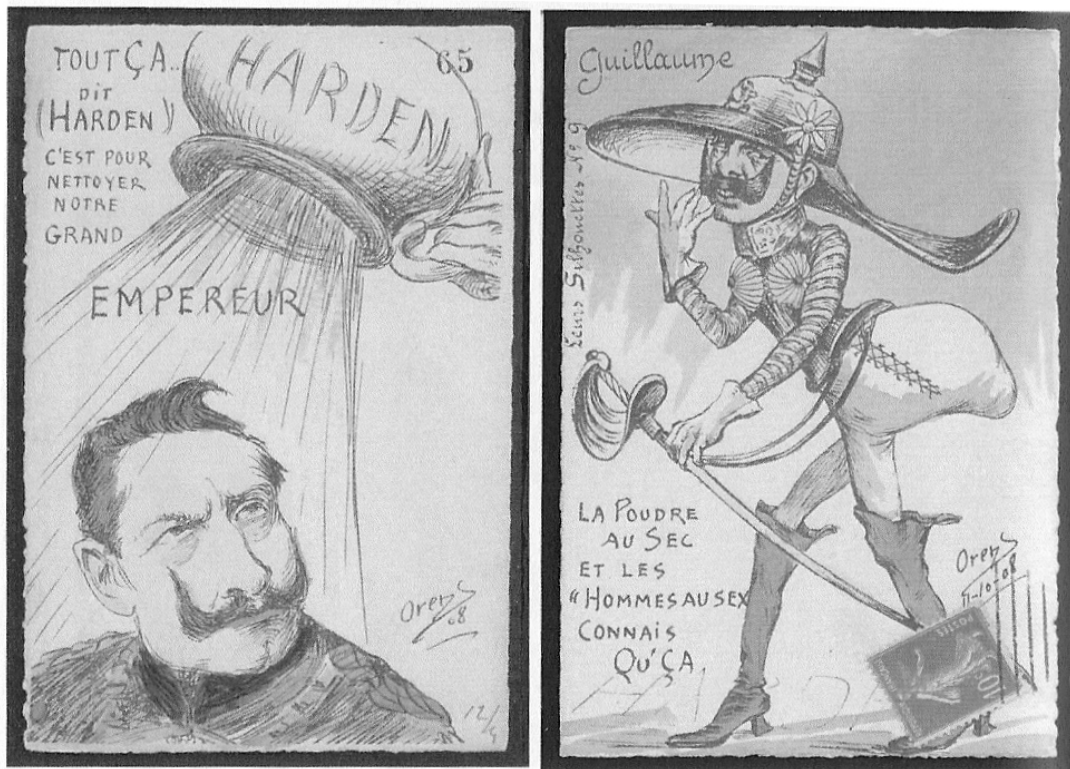
Thompson J. B. Political Scandal. Power and Visibility in the Media Age. Cambridge, 2000.

Voigt G. "Goebbels als Markentechniker". *Warenästhetik. Beiträge zur Diskussion, Weiterentwicklung und Vermittlung ihrer Kritik* / F. Haug (Hg.). Frankfurt a/M., 1975.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. III: Von der «Deutschen Doppelrevolution» bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. 1849-1914. München, 1995.

Windt F. / Luh J. Die Kaiser und die Macht der Medien/ C. Dilba (Hg.). Berlin, 2005.

Winzen P. Das Ende der Kaiserherrlichkeit. Die Skandalprozesse um die homosexuellen Berater Wilhelms II. 1907–1909. Köln u.a., 2010.

Французские почтовые карточки художника Орена, которые были опубликованы в прессе в период скандала вокруг князя Эйленбургского. Выражение 'Poudre-au-sec' обыгрывает высказывание Вильгельма II, в котором он подчеркнул, что Германия будет свой «порох держать сухим», то есть находится в полной боеготовности.

Источник: Quelle: Otto May, „Da haben wir uns schön blamiert...“ *Skandale auf Postkarten 1898-1918. Europäische Affären zur Zeit des Kaiserreichs und ihre Bedeutung für das Deutsche Reich*, Hildesheim 2010, S. 74.